

A gingerbread house is the central focus of the image. It is a brown, rectangular structure with a peaked roof. The roof is decorated with a large, five-pointed star cookie. The house is surrounded by various cookies and candies, including two gingerbread men in the foreground, a large red and white striped candy cane, a small Christmas tree, and several round cookies with red and white patterns. The house is set on a white, scalloped-edged base. A green rectangular box is overlaid on the left side of the image, containing text.

Екатерина Астафьева

Новая жизнь домового Трифона

0+

Екатерина Астафьева

Новая жизнь домового Трифона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63540218

SelfPub; 2020

Аннотация

Как быть, если твоя усадьба развалилась, хозяева бросили, а соседки-кикиморы – страшные скандалистки? Точно не унывать! А найти новый дом и заключить договор о сотрудничестве с милой девочкой Аришкой. Домовой Трифон Захарыч мастерски шьет, выгоняет пауков и мух, читает классиков и имеет потрясающее чувство юмора. В новом доме Трифон устраивает свои порядки, помогает Аришке решать ее незатейливые проблемы, находит свою любовь, в лице серьезной соседской домовихи Лукерьи, воспитывает кошку и даже укрощает властную бабушку. Каждый день он доказывает девочке, что волшебство существует, порой, в самых простых бытовых ситуациях, учит ее никогда не сдаваться и не хандрить, а она кормит его сладостями и просто очень любит. Благодаря Трифону, Аришка открывает для себя мир иных существ: домовых, кикимор и леших. Замкнутая и нерешительная прежде девочка знакомится с их мудростью и жизненной философией,

которые помогают ей поверить в себя, избавиться от комплексов и обрести друзей.

Екатерина Астафьева

Новая жизнь домового Трифона

Глава 1. Неожиданное решение

Квартира номер сто двенадцать, по мнению ее домового, была «нехорошей». Все факты ясно говорили о том, что нечистой силы там достаточно и без него. Каждое утро в квартире царили невыносимый бардак и кутерьма, устраиваемые хозяевами при сборах на работу и в школу. Понедельник, в этом отношении, конечно, был особенно эпичен.

Домовой любил наблюдать, как разворачивались события нового дня. Он уютно устраивался в кухне, на микроволновой печи, потому что очень уважал прогресс, и чесал свою шикарную бороду. Посреди кухни стояла хозяйка с растрепанными рыжими кудрями, в халате с надписью «Возвращайтесь в Буревестник!» и одной рукой отчаянно сыпала в тарелку с молоком шоколадные шарики для дочери, а другой уже размешивала сахар в чае – для мужа.

– Глаша!!! Есть в этом доме хоть один чистый носовой платок???! – раздался раскатистый голос хозяина, который только вчера вернулся из очередной командировки и привез не только подарки, магнитики и бодрое настроение своим домашним, но также и огромный чемодан с вещами, которые

валялись теперь на каждом шагу вперемишку с разноцветными шуршащими пакетиками.

– Маам, Мам!!!! Сегодня последний день сдачи денег на планетарий, давай прямо сейчас, там уже панораму десятой планеты вроде показывают! Вот топаем на третьем уроке смотреть! А рубашка где моя красная, не знаешь?! А юбку, юбку новую клетчатую ты погладила мне?! Там молния на пуховике у меня сломалась, я в осенней сегодня пойду, все равно зимы нет, какая разница в чем мне грязь месить, да??? – это вопрошал бодрый голосок такой же, как мать, рыжей хозяйской дочери.

Хозяйка закрыла глаза и глубоко вздохнула. Домовой, любивший сдержанность, оценил это положительно. Максимально спокойно подбирая слова, она ответила:

– Стопка платков лежит в шкафу на второй полке. Арина, деньги уже в твоём рюкзаке, наряды на вешалках, за пуховик я бы тебе сейчас выписала от души, но уже нет времени. Дуйте за стол!

Домовой отметил про себя, что у нее хорошо поставленный голос.

– О! Так и есть! Нашлось ведь все! – хозяин уже бодро направлялся на кухню. Следом прискакала и девчонка.

Наблюдать завтраки, также как обеды и ужины, домовый не любил, ибо ему с хозяйского стола ничего не перепало, а взять самому не позволял кодекс чести. По сути, у него же было в кухне место, где должны оставлять кашку домовым

люди, но его хозяева об этой традиции не знали, так как оба имели отношение к науке и являлись скептиками, поэтому домовый грыз сухарь черного хлеба, и с завистью провожал в рот девчонки сладенькие шарики, йогурт и булочку.

Наконец, после завтрака, лихорадочной смены нарядов, причесываний и многократного возвращения за чем-нибудь забытым, дверь захлопнулась, и люди отбыли на работу и в школу.

В этот понедельник предел тоски домового достиг пика, он решил подвести итог трем годам нахождения в этой семье, забрался на подоконник в комнате девчонки и начал вспоминать свою жизнь.

Это был чрезвычайно низенький, лысый, но с густой серебристой бородой мужичок, ручки и пятки его были мохнатыми. Живые небесно-синие глазки оттенял большой нос картошкой, оттопыренные зеленоватые уши бодренько торчали в разные стороны. Гардероб предпочитал яркий, любил чтение русской классики и имел множество талантов. Звали его Трифон Захарыч, в этом году ему уже исполнилось двести лет, причем этот юбилей был с размахом отмечен с домовыми соседних квартир. Все его приятели, домовые и домовихи, были не местными. Кто-то приехал в чемоданах своих хозяев из прежних мест проживания, кто-то пришел из соседних частных домов, брошенных людьми и так никому и не проданных. Старожилом местности был лишь сам Трифон, он являлся самым старшим из них и тщательно читил

традиции. Из всех мифов о домовых, которые Захарыч прочел в книгах, пожалуй, истинной правдой был лишь один: домовый привязан к закрепленному за ним дому и земле, на которой он стоит, и не может никуда уходить самовольно. И хоть многие молодые домовые нарушали это правило от безысходности, но уходили все равно в те семьи, которые обосновывались близко к их прежней службе. Трифон также терпеть не мог басню о том, что домовые – это бестелесные духи. Над этим он всегда смеялся:

– Как?! Как бы мы делали столько работы по дому, чистили дымоходы, шили, гоняли крыс и пауков, если бы были без тела. Это даже смешнее того мифа, что нас нет, и мы! МЫ-выдумка людей. Да как бы они справлялись с хозяйством и своими отношениями сами, если бы нас не было?!

Но просветить человеческое племя о том, кто такие домовые на самом деле Трифон не мог, ведь кодекс чести ясно гласил, что для людей он должен быть всегда невидимым и лишь различными знаками предупреждать об опасности и разных других новостях. Быть полезным для людей, читать их мысли, направлять в правильное русло, иметь таланты в домашней работе – вот, пожалуй, вся магия домовых.

На заре своей карьеры, в конце девятнадцатого – начале двадцатого века Трифон Захарыч служил в усадьбе купца Ильи Владимировича Соловьева и его жены. Он помогал готовить, подшивал платья дам, находил пропавшие перчатки, украшения, выгонял из дома всякое лихо, убаюкивал непо-

слушных детей, оберегал дом. На территории усадьбы был пруд, в котором жили три сестры-кикиморы, большие скандалистки и склочницы. Отношения с Трифоном у них были сложные: от дружбы до ругани. Но все же со старшей кикиморой Марфой домовой нашел общий язык, любил с ней поболтать и посоветоваться.

Потом старшие члены семьи умерли, а дети выросли и уехали за границу. Дом пустовал, а Трифон не мог его покинуть, ведь старые хозяева не позвали его с собой, а новые не заселялись. Пруд зарос и превратился в болото, чему кикиморы были не рады, но деваться им было некуда.

Далее происходило что-то очень непонятное: сначала в опустевший дом набежали какие-то люди и стали выносить буквально все: мебель, картины, серебряные приборы, канделябры, которые Трифон обожал натирать до блеска, ковры и книги, а потом усадьба заполнилась бледными нездоровыми лицами, врачами и медсестрами в повязках на лицах, в пустых комнатах рядами стояли страшные железные кровати, из которых то и дело доносились кашель и стоны. На дверях усадьбы теперь висела табличка «Городская больница».

Со временем кровати, врачи и больные тоже исчезли, и дом стал именоваться «Женской гимназией № 3». Стайки щебечущих учениц и их учителей теперь наполняли коридоры и лестницы, и домовый не понимал, как мог его родной и самый любимый особняк так измениться, а самое главное

больше ничего нельзя было поправить, как прежде. Гимназия также, как и больница, просуществовала в здании недолго. Захарыч болтался по дому и только и слышал от людей практически единственную, наполненную ужасом фразу: «Началась война». Вскоре и дети, и взрослые покинули дом, и он стал еще более пустым и мрачным, и кроме все большего слоя нарастающей пыли, там не происходило ничего.

Постепенно без людей усадьба увядала, гнили доски, текла крыша, а Захарыч ничего не мог поделать. Зато он любил гулять по яблоневым садам, посаженным вокруг нее Ильей Федоровичем Соловьевым, и мечтать о новой жизни, новых хороших и милых хозяевах и их ребятишках.

И вот, прошло очень много лет, почему-то никто не стал восстанавливать усадьбу, и она сама разрушилась и сложилась как карточный домик, только яблони вокруг все также буйно росли.

Сначала на этом месте не было вообще ничего, кроме этого сада, и домовый совсем одичал и измаялся, но по натуре он был оптимист и всегда верил в лучшее. Люди часто приходили группами в это красивейшее в городе место, гуляли, собирали яблоки, зимой катались на лыжах, но о том, что здесь еще построится жилое строение, никто из них и не помышлял. Ну, а территорию, где прежде стоял сгнивший дом Соловьевых обнесли, наконец, оградой и повесили еще одну, на этот раз последнюю, крохотную латунную табличку с напоминанием о некогда жившей в этом месте семье. На таб-

личке сухо и формально значилось «Городская усадьба Соловьевых (1889-1987)».

А потом началась стройка, большую часть деревьев повыврубали, кругом был песок, грязь, кирпичи и техника. Трифон никогда не представлял себе, что можно построить высокую избу, где, как в клеточках, будут жить люди. Но зато он приободрился и по мере строительства дома решил выбирать себе место, самое лучшее будущее жилье, которое строители называли загадочным словом «квартира». Наконец, дом был построен, в нем было пять этажей, а снаружи украшен башенками, арочками, переходами. Словом, он получился очень уютным, с тихим двором в окружении яблонь, которые бросали мягкие тени на клумбы, палисадник и детскую площадку.

Захарыч, тем временем, уже определился с квартирой, она была просторной, с высокими потолками, четырьмя комнатами и аж двумя лоджиями, он выучил все новые современные слова в интерьере, все также подслушивая разговоры рабочих, пока шел ремонт, и постоянно чистил в квартире все углы, вел борьбу с пауками и ждал, ждал, ждал...

В один прекрасный день в квартиру въехало трое. Он! Длинный, худой, в очках, очень нудный, да-а-а, это вам не меценат Илья Владимирович Соловьев, а какая-то скучная персона по имени Александр Иванович, ну или Саша, или папа, как звали его остальные двое. То ли «анженер», то ли «инженер» по профессии – Захарыч еще не разобрался, как

правильно.

Женщина! Она, тоже длинная, рыжеволосая, черноглазая, в противоположность своему мужу, энергичная, без конца сыпала какими-то идеями и руководила. Работала научным сотрудником в музее-заповеднике. Имя резало ухо и заставляло морщиться – Глафира!

Девчонка! Девчонка была отвратительна. Рыжая, болтливая растяпа, часто ленилась, витала в облаках, забывала важные вещи. Так, что с первого дня их вселения, приходилось подшивать ее одежду, проверять, все ли она положила в школьный рюкзак, вытаскивать из-под кровати линейки, авторучки, складывать разбросанные книги. Девчонку звали Арина, ученица третьего класса. В этом году ей исполнилось уже десять лет. Ко всем своим недостаткам, Арина увлекалась темой волшебства, магических штучек и воображала саму себя способной колдовать.

Хуже этого ее увлечения была только очень сложная штука людей, в которой домовой так до конца и не разобрался, она называлась почему-то телефон, но Арина редко по ней звонила, в основном, она обожала в нее смотреть и кривляться, снимать на камеру какие-то дикие танцы и приветствовать дурацким визгливым голосом каких-то, тьфу ты леший, под-пис-чиков! Однажды Захарыч видел, как танцуют на болоте кикиморы, с которыми он состоял в частых конфликтах. Они веселились, гоготали и отмечали приход лета. Так вот эти скандалистки и далеко не красавицы двигались

получше и позанятнее, чем рыжая, которая в эти моменты думала, что она чуть ли не принцесса-королевна.

Неприязнь к новым хозяевам была полнейшей. И тем более было странно, что Трифон находил в ней одно противоречие. Девчонка, которая больше остальных раздражала его, также больше других и нравилась ему, потому что несмотря на все ее недостатки, она имела легкий характер и чувство юмора.

Таким образом, семья Гришаковых торжественно обосновалась в квартире номер сто двенадцать уютного дома в бывших яблоневых садах. Трифону требовалось много сил, чтобы поддерживать в квартире порядок, ведь, как мы уже говорили выше, хозяева были люди эмоциональные, часто громко спорили и ругались, разбрасывали вещи, в своей кипучей работе не находили времени ни на свою дочь, ни на ее детские радости и горести, ни на создание того уюта, который обожал Захарыч в усадьбе Соловьевых. И вот в таком темпе прошло уже три года.

Домовой тяжело вздохнул, слез с подоконника и принялся собирать валявшиеся после хозяина пакетики один в другой.

– Вот, кабы видел меня кто из них, я бы быстро пропесочил за бардак! Дык пробовал ведь! И анженеру под ноги бросался, и из-под Глафиры во сне подушку утаскивал. Все бесполезно. Дальше своего носа ничего не замечают, – бубнил он себе в бороду.

Тут Трифон споткнулся о книгу Арины и плашмя упал на

пол, запутавшись в бороде. На книге было написано «Духи дома у древних славян».

– Ну, это последняя капля! Небось, как сказку читает. Да и ладно. Там все равно вранье одно написано про нас, домовых. Зашвырну книжонку на плиту, может, хоть так поймет, что я есть! И хочу конфет! Скука же невероятная.

Убрав на свои места все валявшиеся на полу предметы и подведя в этот день итоги своего существования, Трифон понял, что так жить больше нельзя, и нужны какие-то кардинальные решения, поэтому он решил на авантюру: явить себя Арине во всей красе и попробовать сотрудничать с девчонкой. План был хорош со всех сторон. Так, и девчонку к порядку приучит, и, возможно, лакомиться будет каждый день вкусностями с хозяйского стола, и собеседника наконец себе найдет. Захарыч был не из тех домовых, которые любили пакостить и мстить хозяевам, он готов был протянуть им свою руку помощи. И в этом смысле на девчонку домовой возлагал большие надежды, потому что дети, в отличие от унылых и скучных взрослых еще лелеют в себе веру в чудеса. Явление было запланировано в новогоднюю ночь, до которой оставалось чуть меньше двух недель, но, как это обычно водится, все пошло не по плану.

Глава 2. Знакомство

Для всех людей в этом мире события делятся на приходящие и уходящие, все меняется, появляются новые цели, стремления и планы. Даже в тяжелые времена остается на-

дежда, что за чередой безрадостных дней обязательно придут счастливые и принесут с собой все самое лучшее. В этом и заключается один из самых главных законов жизни... И только учитель 3 «А» класса Ирина Арчибальдовна давно не оставляла никаких надежд на легкие школьные будни своим воспитанникам.

Волоча неподъемный рюкзак, в котором гремели стеклянные камешки для очередной не получившейся поделки по технологии, Аришка Гришакова в самом отвратительном настроении шлепала по грязным лужам домой, и ее мысли были одна тоскливее другой:

– Опять! Опять завтра диктант, следом контрольная по математике, и папу нужно будет снова просить сделать поделку. Он, как всегда, начнет говорить что-то длинное об ответственности и рассуждать о том, почему я такая несамостоятельная, а завершит традиционно тем, что мои руки растут не из того места.

Рыжие аришкины косички сильно растрепались под шапкой, а все потому, что пришлось хорошенько наподдать Тимофееву учебником чтения. Он каждый день дергал и дразнил ее, а сегодня вообще сказал, что волосы Аришки похожи на шерсть его собаки Найды.

Намесив ногами достаточно декабрьской предпраздничной грязи (как вы уже поняли, погода тоже неплохо издевалась над несчастной девочкой), Аришка притопала домой. В просторной прихожей, на так любовно выбранной мамой ро-

зовой плитке отпечатывались огромные грязные следы зимних сапог ее дочери. Запулив, как следует, рюкзак в угол своей комнаты, она переделалась в любимый плюшевый комбинезон с ослом из мультика и начала слоняться по квартире.

Из ее шкафа вывалился сонный домовой. Он лег туда подремать после того, как закончил наводить порядок в назначенном месте для встречи Нового года. Новый год был самым любимым праздником Трифона, он еще до мельчайших деталей помнил, как украшала праздничную ель его прежняя хозяйка Софья Михайловна Соловьева яблочками, вафельками, конфетами и пастилой, которую он обожал.

Место домовой выбрал чудесное. И вот как он его нашел. В субботу Глафира как раз закончила наряжать какую-то пластмассовую каланчу, от потолка до пола, такими же ненастоящими смешными вещицами, а Трифон стоял на диване и плевался от презрения. А потом под это все безобразие она поставила такую прелесть, такое сокровище, что сердце чуть не выпрыгнуло из груди домового.

Это был пряничный домик, довольно высокий, двухэтажный, с оконцами, крыльцом и дверью, дверь открывалась, а внутри, дом был просторный и полый. К тому же весь фасад был облеплен сушками с маком, маленькими пряниками и розовой глазурью. Счастливая служба в усадьбе Соловьевых, от которой теперь не осталось даже трухлявой дощечки, пронеслась у Захарыча перед глазами. А теперь перед ним возвышалась точная копия усадьбы. И он решил, что свой

любимый праздник отметит здесь, в этом домике из пряничного теста, загадает все-все свои желания, а потом явится Арине, и если все пройдет хорошо, то натаскает в дом угощений с новогоднего стола хозяев и будет пировать. От души зевнув, Трифон в приподнятом настроении решил пойти в гостиную и немного побыть в домике.

Новогодняя елка стояла в зале, как всегда безупречно украшенная стеклянными шишками, сосульками, шарами и слегка обветшавшей уже звездой. Аришка, которая и в этом году не дождалась письма о том, что ее зачислили в знаменитую на весь мир школу магии, включила гирлянду и начала печально пялиться на сверкающие огоньки. Как известно всем читавшим и смотревшим, в школу волшебников зачисляли только с одиннадцати лет, но Аришка верила в свою исключительность и мечтала, что ее туда зачислят раньше. Это была у нее такая игра-мечта. После каждой полученной двойки или драки с Тимофеевым или ссоры родителей она закрывала глаза и представляла, как домой приходит некто бородатый и забирает ее туда, где всегда чудеса, полеты, приключения, настоящие друзья и свет, много-много света.

Сейчас она злобно думала: «Почему же, почему??? Ее жизнь такая скучная, пасмурная и серая, именно серая, так как снега и мороза за окном двадцать первого декабря не было, и даже не ожидалось. Почему волшебный мир ее любимых книг о мальчике-волшебнике так не похож на ее мир и так далек? Каждый день только миллион уроков, серость, и

там нет даже маленького места для сказки... Аришка рыдала, и слезы градом капали прямо на пряничный домик, стоявший под этой проклятой елкой. И вот именно в этот момент домовой понял, что все его четкие планы полетели к лешему.

– Ой! Ой-ой-ой!!! Что же ты творишь, рыжая нахалка?! У меня крыша протекла уже, и все стены соленые от твоих воплей, – не помня себя от гнева завопил Трифон.

Аришка опешила и посмотрела под елку. У двери сувенирного домика, который маме подарили на работе в музее ее студенты с исторического факультета, крошечный бородатый мужичок отчаянно ругался на нее и топал пушистыми ногами.

– Ты ктооо??!!, – заикаясь спросила девочка.

Захарыч от гнева выдал пламенную речь:

– Ах, ты, негодная бобриха!!! Домовой я ваш тутошный, Трифон Захарыч, сижу вот который день, обживаю избу эту елочную, думаю о жизни, а ты затопила все хозяйство мое, разрушила мои мечты! Сказки ей нет, прям! Письмо она ждет из-за морей-окиянов волшебное! Да оно под носом у тебя каждый день ходит, волшебство это!

Аришка ошалело спросила:

– Ты, что ли, волшебство мое ежедневное?

Трифон аж позеленел от такого оскорбления:

– А кто, если не я?! Кто тебе забытые проекты по утрам в рюкзак запихивает, а? Кто твои заколки, вечно теряющие-

ся, находит и на видное место складывает?! Кто на прошлой неделе линейку длинную из-под кровати выволок, которую ты туда засунула и тебе в папку с чертежами положил?! Не удивилась ли ты, когда нашла там ее?! Кто тебе снеговиков пол ночи маленькими ручками вырезал, чтобы ты двойку не получила по технологии?! Изволь любить и жаловать.

Трифон схватился ручонками за свои атласные штанишки и присел. Он хотел завершить свою речь эффектно, но не знал, как это делается, поэтому изобразил что-то вроде реверанса, потом подумал и отвесил Аришке еще и презрительный низкий поклон, так что его тощие коленки крикнули от резкости движения.

Аришка была потрясена. И правда, часто, забытые ею вещи и домашние задания появлялись как будто сами собой на видных местах, а она и не понимала, как это удивительно.

– Домовых не существует, мне уже мерещится всякая чушь! – девчонка была близка к истерике.

Трифон решил, что, так сказать, сгорел сарай, гори и хата, надо выкладывать все:

– Дааа?! А не эта ли чушь только что тебе стеклянную блестелку по технологии настряпала, которая у тебя не получилась сегодня в школе, потому что руки-крюки?! Дык, глазоньки-то разуй и посмотри, вот она туточки стоит!

На белом гостинном столе всеми цветами радуги переливалась маленькая, похожая на шкатулку вещица, украшенная со всех сторон узорами из аришкиных стеклянных ка-

мешков, купленных недавно в магазине канцелярии. Внутри шкатулка была отделана бежевым бархатом, а в центре стоял вылепленный из легкого пластилина олень. Вещица соответствовала всем требованиям Ирины Арчибальдовны, которая просила детей смастерить новогоднее украшение и проявить фантазию при изготовлении.

Сегодня на уроке Аришка и пыталась сделать что-то подобное, но творчество никогда не было ее сильной стороной, и вся парта была к концу занятия запачкана клеем, камни, то и дело, рассыпались под ноги учительнице и одноклассникам, а из испорченных обрезков цветной бумаги можно было соорудить башню. В итоге большинство детей успели сделать поделку на уроке, а Аришке в который раз пришлось ссыпать остатки ее элементов в рюкзак и тащить домой перерабатывать. Что и говорить, технология – был самый ненавистный аришкин школьный предмет.

Зная эту особенность своей маленькой хозяйки, Трифон и решил сделать девчонке сюрприз. Он был очень талантлив по части прикладного искусства, и мастерски вышивал, вязал, лепил и клеил. Только по его такому хорошему, не раз обдуманному плану, девчонка должна была найти эту шкатулку с оленем внезапно и сойти с ума от радости, думая, что это, конечно же, ее папа так выручил с этим заданием. Но теперь все пошло не так, и Трифон злился и пыхтел, пока девчонка отходила от потрясения.

В ее голове проносились неумолимые выводы о каком-то

другом, незнакомом людям, мире. Не зря ее всегда так тянуло к сверхъестественному и необычному, не зря она столько мечтала хоть об одном, хоть малюсеньком знаке из другого пространства. Девочка снова посмотрела под елку, Трифон Захарыч стоял на прежнем месте, ковырял ножкой пол и всхлипывал от обиды. Аришка сказала:

– Прости меня, домовой, и спасибо тебе за все-все! Я и не догадывалась, какое сокровище у нас есть. Что мне сделать, чтобы как-то загладить свою вину перед тобой?

Захарыч слегка приободрился и произнес:

– Да, что там... Ну... Каждое утро, например, конфеты шоколадные клади мне в угол на кухне... И вечером кашки манной сладенькой мне оставляй в тарелочке, очень я ее уважаю. А на Новый год хочу орешков миндальных крупненьких. Вот прямо в домик мой пряничный и положи их. О том, что я есть, должна знать только ты, а то родителям скажешь, еще, чего-доброего, лечить тебя начнут, да колдунов в квартиру водить, чтоб меня выгнать. В общем, живем теперь так – ты меня вкусно кормишь, беседуешь на разные темы, ну иногда пятки чешешь, в комнате бардака не устраиваешь, больше учебе время уделяешь и меньше кривляешься в экранчик свой дурацкий, а уж я тебе во всем помогать буду, другом стану навеки преданным, и тогда порядок тебе в доме и в школе гарантирован.

– Договорились, Трифон, – вытирая теперь уже слезы радости, ответила Аришка.

Так и зажили они теперь сказочно и волшеббно с конфетами в углах и вечерней кашей в миске. Ирина Арчибальдовна на следующий день по достоинству оценила шкатулку с оленем, поставила Аришке в дневник жирную пятерку, и теперь шкатулка украшала своим сиянием школьную елку в актовом зале. На этом радостные события не закончились. Настрой учительницы, словно тоже смягчила какая-то магия. На уроке математики, оглядев внимательным взглядом весь класс, она изрекла чудесную фразу:

– Быстренько пишем таблицу умножения на девять по памяти, сдаем листочки и идем домой. Контрольная отменяется! В школу приехал мэр, и телевидение тоже приехало – снимать репортаж о пробном ЕГЭ старшеклассников. Они обоснуются у нас в кабинете.

3-й «А», который только отдаленно еще пока слышал об этих загадочных трех буквах «ЕГЭ», быстро настрочил таблицу и бегом понесся по домам, предвкушая скорые новогодние каникулы. В этот день Аришка бежала домой вприпрыжку, и ее рыжие косички весело развевались на ветру. Она была счастлива. Дома ждал ее собственный домовый в пряничном домике, праздники приближались, бодренько сверкали гирлянды в окнах домов. А о письме из школы волшебников девочка быстро забыла, оказалось, что чародейство и магия есть и в ее серой бесснежной и скучной зиме.

Глава 3. Аришкина удача

– Будешь без конца что-то жевать – когда-нибудь лоп-

нешь! – Арина засмеялась и откусила хороший шматок хрустящего жареного хлеба, накрытого сверху яичницей.

От этого замечания Трифон ничуть не смутился и продолжил с аппетитом поедать свою кашу, из которой выглядывали ягоды малины и ежевики. Именно такой завтрак он считал поистине питательным и королевским.

– У меня, между прочим, хоть и не молодой, но еще растущий организм! – с достоинством парировал домовой.

– Ты уже третий век разменял. И чего же, интересно знать, у тебя еще растущее? Может, шерсть на пятках?! – Аришка захохотала.

– Гы-гы. Гы-гы. Сильно-то не смейся, горихвостка, еще математику делать. Уж не попросишь ли теперь уравнение решить! – Захарыч обиделся.

Насмешки над своей внешностью он не приемлел. Тем более, что действительно такой густой шелковистой и блестящей шерсти на пятках не было даже у его закадычного приятеля Епифана из сто одиннадцатой квартиры. А уж тот был популярен у всех здешних домовых и слыл известным джентельменом и красавцем. Трифона это, безусловно, задевало, но в глубине души он знал, что Епифан ему не конкурент.

Новогодние праздники закончились неделю назад, и опять потянулись трудовые будни. На улице, наконец-то, выпало кое-какое подобие снега, и немного подморозило грязь. Арина уже третий день была на больничном и в школу не ходила. Заставить ее сесть за уроки теперь было совсем тяжело.

Но зато как они с удовольствием завтракали вдвоем в тишине! Глафира с утра готовила то, что просила ее бледненькая простудившаяся дочь и убегала с анженером по работам. С тех пор, как Аришка и домовой заключили сотрудничество, родители стали гораздо реже ругаться и спорить, в доме даже как будто меньше пыли стало. Это, конечно, Трифон старался. Он умел не только читать, но и направлять мысли хозяев в мирное русло, а, следовательно, и их отношения стали теплее и лучше. И вот каждое утро после ухода старших на работу наши друзья садились, как говорил домовой, «отведывать». Аришка ела за столом, а Захарыч – на своем любимом месте – микроволновке.

Наевшись досыта, девочка пошла нехотя за письменный стол – домашнее задание никто не отменял. А Трифон лег нога на ногу в гостиной и начал перебирать пультом каналы в телевизоре. Остановился он на передаче о здоровье. Ведущая рассказывала о современных методах борьбы с бородавками, домовому это было очень смешно. А все потому, что он не понаслышке знал самый лучший способ удалить бородавку и им владел. Кикимора Марфа, живущая на болоте недалеко от его прежней усадьбы, часто страдала от этих штук на лице.

– Тришенька, милоч, – говаривала она, – накрути мне еще той мази желтенькой, кожа после нее – ну, как у русалочки!

Рецепт этой мази Трифон подглядел у кухарки Соловьевых, но кикиморе врал, что изобрел его сам. Чудо-сред-

ство состояло всего-навсего из тертых корней чистотела и цветков «куриной слепоты» или попросту болотного лютика. Банки со снадобьем были расположены в ряд в огромном количестве на кухне. Домовой утаскивал банку, а взамен оставлял кухарке букетик незабудок. Это было несложно, потому что бородавки у Марфы возникали только летом. А ведущая в телевизоре долго и сложно вещала непонятными словами о такой простой теме. На другом канале обаятельнейшая дама готовила сырники.

– Вот тут и остановимся, – домовой устроился поудобнее на диване и приготовился смотреть про вкуснятину, как вдруг из соседней комнаты раздался до ужаса мерзкий мальчишеский голос:

– Гришакова, это я, Родя. Чой-та нет тебя в классе третий день?! Соплищи ручьем или притворяешься?! Я чего говорю-то: нашел вчера под твоей партой ручку стирающую, над которой ты убивалась в пятницу. Верну пропажу. Минут через двадцать зайду к тебе, жди.

Трифона сдуло с тепленького дивана.

– Это кого ж сейчас принесет, и кто это вообще бубнел?! – спросил он Арину. Потом увидел в ее руках этот дурацкий экранчик для кривляний и понял, что пришло голосовой сообщение от некоего мальчика. Лекция о голосовых сообщениях была недавно ему прочитана Аришкой, после нее очень болела голова, но в итоге домовой уяснил, что телефон не только для танцев, но и для разговоров.

– Да Тимофеев придет. Я в шоке вообще. Как-то номер мой узнал, про ручку какую-то плел. Наверно, надо ему что-то от меня, – растерялась Арина.

– Ну, как придет, так и уйдет. А вообще я не рад! Тимофеев тебя обижает постоянно, а ты его в избе принимать должна?! Значится, сяду вот здесь, – Захарыч указал пальцем на верхнюю полку шкафа в прихожей, – и если вдруг что – на этого Родию посыплются шляпки и туфли твоей матери! А что поделать? – Трифон развел руками – полтергейст у вас.

Раздалась трель домофона, и через минуту лохматый Родион Тимофеев в серой шапке набекрень уже стоял в дверях квартиры номер сто двенадцать и ждал, когда его примут внутрь.

– Привет! – Аришка говорила еще сиплым голосом, потому что болело горло.

– Привет, Арин! Крутой осел, – кивнул Тимофеев на рисунок ее плюшевого комбинезона – Ты...это...чего разболелась-то? Давай уж выходи, вот ручка твоя, – слова как будто не слушались Родиона и вылетали сами собой. Еще бы! Так мирно разговаривать с Гришаковой он не привык, она его бесила жутко и своей медлительностью, и тупостью у доски на математике, и волосами...

– Дааа, – в глубине шкафа посмеивался Трифон, -это тебе не в экранчик дерзко бубнеть. При встрече-то и сдулся оратор.

– Спасибо! – Арина взяла ручку и потом, сама от себя не

ожидая, пригласила Тимофеева, – Пошли хоть чаю попьем!
Домовой на полке так закатил глаза, что, казалось, будто они упали внутрь его головы.

Одноклассники, тем временем, усаживались за чаепитие. Арина хлопотала с чашками и угощением, Родион сидел на самом краешке стула и осматривался:

– Вот это хоромы у тебя, Гришакова! Красота!

– У моей мамы очень хороший вкус, – с достоинством ответила девочка и тут вдруг посмотрела на часы, а время-то было всего одиннадцать тридцать.

Тимофеев спохватился и объяснил:

– Сегодня Ирина Арчибальдовна три урока только провела и домой отпустила, педсовет, вроде, какой у них.

Аришка подала ему дымящуюся чашку с ароматным чаем и отрезала большой кусок итальянского яблочного пирога – коронного блюда Глафиры.

– Я...это! Чего пришел-то! – набив рот пирогом и с шумом отхлебывая чай, промычал Тимофеев. – Нас с тобой выбрали ведущими на конкурс художественной самодеятельности между младшими классами нашей и соседней школы. Вот. Ты только прическу смени. Уложи как-то рыжину свою. А то торчит вон как. Стог сена прям.

Родион Тимофеев хоть и отличался ужасным поведением в школе, но при этом был отличником, и особенно ему удалось чтение стихов, как и нашей Аришке, которой обо всех пятерках в дневнике, увы, приходилось пока еще мечтать.

Она была поражена:

– Я не смогу, там же народу будет целый зал, я не умею, я...эээ...опозорюсь.

Из шкафа в прихожей послышалось презрительное цоканье.

– Да чего не смочь-то? Вот твои слова, – Родя выложил перед ней три листа с текстом, – Мы же вдвоем будем! Ты не одна. Подскажу слова, если затупишь.

Надо сказать, что несмотря на страх выступления перед публикой, Арина понимала, что это хороший шанс показать себя и свои таланты.

– Хорошо, я постараюсь выучить за пару дней. Меня, наверно, выпишут уже в конце недели, – твердо согласилась она.

– Вот и круто! Добро! – дерзким, как в голосовом сообщении, голосом, выпалил Родион.

Глаза Трифона закатились еще дальше от дурацких слов мальчика, хотевшего казаться таким щеголем, для которого нет ничего невозможного.

Потом Аришка начала экскурсию по квартире для гостя, и Захарыч совсем измаялся в темном шкафу. Он достал из кармана штанов маленькое зеркальце и начал развлекаться примеркой шляп. Жутко вспотел. Шляпы приходилось сильно сдвигать на затылок, чтобы увидеть их посадку, ведь домовый был очень маленького роста. Через час Трифон понял, что ноги затекли, а оранжевый – явно не его цвет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.